

Николай Ольков

Подлог

Собрание сочинений. Том 5

Николай Ольков

**Подлог. Собрание
сочинений. Том 5**

«Издательские решения»

Ольков Н. М.

Подлог. Собрание сочинений. Том 5 / Н. М. Ольков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835438-0

Она хотела стать врачом, и стала им. Достигла всего, о чем можно только мечтать: карьера, семья, успешный муж, дети. Но жизнь не прощает даже маленьких прегрешений: на взлете славы ей пришло напоминание из бесшабашной юности. Кажется, рухнет все. Но это счастье, когда тебя окружают друзья...

ISBN 978-5-44-835438-0

© Ольков Н. М.
© Издательские решения

Подлог

Собрание сочинений. Том 5

Николай Максимович Ольков

*Памяти Николая Петровича Хевролина,
бывшего 17 лет председателем Казанского райисполкома
Тюменской области,
обойденного наградами и памятью.*

© Николай Максимович Ольков, 2016

ISBN 978-5-4483-5438-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ранним майским утром в кабинет главного врача Пореченской районной больницы она вошла уверенной походкой человека, который знает, зачем идет, и знает, что ему не откажут. Все переживания, стенания, слезы и истерики остались там, в родном городе, а здесь, в сельской глуши соседней области об этом никто не знал и не мог догадываться – настолько уверенна и решительна была эта молодая женщина. И к тому же довольно красива – она сама об этом знала лучше других.

За час до того она устроилась в местную гостиницу, где не было даже горячей воды, вскипятила чайник, вымыла голову, сделала прическу, легкий макияж, надела серый костюм с юбкой, чуть зауженной и скрывающей округлые колени. Осмотрела себя в большом зеркале и осталась довольна: круглолица, черноброва, губки бантиком, глаза синие с искоркой, густые светлые волосы колышутся на голове при каждом движении. «Ну, Ирочка, с Богом! Если сегодня все получится, остальное я сделаю!».

Когда она спустилась в вестибюль, дежурная, молодая и любознательная особа, неожиданно спросила:

– Извините, вы артистка? Нас предупредили, что артисты должны подъехать.

Гостья улыбнулась:

– Нет, милая девушка, я – врач!

Она так резко это выговорила, что даже сама испугалась. «А ведь я впервые назвала себя врачом!» – мелькнуло в голове и тут же исчезло под выразительными взглядами двух вошедших кавказских мужчин.

В приемной главного стучала пишущая машинка, пожилая женщина, то ли секретарша, то ли завхоз, что-то старательно выдавливая из разбитого аппарата.

– Главный у себя? – спросила гостья.

Женщина махнула рукой в сторону кабинетной двери. Она постучала в фанерную обшивку и услышала мужской голос:

– Да, входите.

Петр Петрович Бытов, главный врач района, встал, увидев симпатичную незнакомку, несколько смутился и невпопад спросил:

– Вы ко мне?

Дама деликатно улыбнулась:

– Если вы главврач района, то я к вам, Петр Петрович!

Бытов широко улыбнулся:

– Извините, запарился с бумагами. Прошу вас, проходите, садитесь. Что вас к нам привело?

Дама чуть помолчала, достала из сумочки платок, поднесла к глазам:

– Я врач, терапевт, оставила мужа, мы не были зарегистрированы, оставила любимую работу и поехала, куда глаза глядят. Ваш район выбрала потому, что он тихий, вдали от городов, а мне так хочется душевного покоя. И, конечно, интересной работы. Ой, извините, Петр Петрович, я не представилась: Ирина Николаевна Дзюбина. Папа писался Дзюба, а детям фамилию сделали русской. Видно, корни отца где-то на Украине.

– Да, страна наша огромна, – согласился главный. – А с работой проблем не будет. Давайте ваши документы.

Дама опять коснулась глаз:

– Есть только паспорт, а трудовую книжку и диплом муж не отдал, спрятал, думал этим меня удержать. На счастье, у меня сохранилась копия диплома, заверенная нотариусом, делала для военкомата при постановке на учет. Думаю, это вас пока устроит, а со временем я все равно вырву у этого подлеца диплом, там же и комсомольский билет...

Бытов рассмеялся:

– Ну, ваша партийность меня меньше всего интересует. Давайте копию.

Быстро посмотрев документы, Петр Петрович предложил:

– У нас не хватает терапевтов на приеме. Как вы на это смотрите?

Ирина Николаевна даже привстала со стула:

– Большое спасибо, Петр Петрович, но я бы не хотела оставаться в районном центре. Здесь все равно шумно, многолюдно. Вот сейчас в гостинице сказали, что артистов ждут. Если можно, отправьте меня в дальнюю участковую больницу. Деревня, добрые люди, природа. Только бы с квартиркой решить, и мне больше ничего не надо.

Бытов удивился: сколько лет работает главным, но впервые дипломированный доктор отказывается от места в районной больнице и просится на периферию. Недавно на заседании райисполкома его крепко критиковали за плохую работу Березовской участковой больницы. Действительно, заведующий любит выпить, контроля никакого, давно бы заменил, но все молодые специалисты ехать в глухомань категорически отказывались. А тут сама просится. Бытов вздохнул: такая красивая женщина, да без мужа – это было бы так мило...

– Честно говоря, Ирина Николаевна, не хочу вас отпускать, признаюсь: вы бы украсили нашу больницу! Но – воля ваша. А что касается тишины и природы, это я вам обеспечу. Только, чур! – не подведите меня. Если вы через месяц откажетесь, меня в райкоме по стенке размажут.

Ирина Николаевна улыбнулась:

– Не сбегу и не откажусь, мое слово твердое.

Главный снял телефонную трубку:

– Барышня! А, это ты, Валя! Дай мне председателя Березовского сельсовета. Иван Васильевич? Везу вам нового заведующего больницей. Пусть Волокушин будет на месте, чтобы дела передать. И в больницу позвони, я не буду время терять. – Положил трубку. – Вот так, Ирина Николаевна. Ваши вещи в гостинице? Заедем.

Уазик «Скорой помощи» легко бежал по твердой грунтовой дороге, Бытов время от времени посматривал на новоиспеченную заведующую и удивлялся: ее радости не было предела, все ее умиляло: и речка с деревянным ненадежным мостом, и десятки тракторов со сцепами борон, сеялок, и лес, зелеными языками разрывающий взрыхленную черную зябь. В гостинице Дзюбина переделалась в серый брючный костюм, и выглядела очень соблазнительно. Водитель Вася несколько раз ловил взгляды шефа и тихонько хихикал.

– Вот ваш больничный комплекс, Ирина Николаевна! – с пафосом произнес Бытов, широким жестом соединив несколько деревянных сооружений явно довоенного строительства. – Все это надо бы снести к чертовой бабушке, но строить некому. Ладно, потом разберетесь. Пошли к людям.

В небольшом кабинете заведующего сидели до десятка человек в халатах, которые Ирина не могла бы назвать белыми. Видимо, тут и врачи, их два, фельдшеры и медсестры, завхоз и кто-то еще.

– А где Волокушин? – сурово спросил Бытов.

– А то вы не знаете, где? С утра появился и ушел. Где-то с друзьями.

– Ладно, обойдемся без него. Товарищи! Разрешите представить вам новую заведующую участковой больницей Ирину Николаевну Дзюбину. Бухгалтера прошу помочь разобраться с материальными ценностями, а я в совет по части квартиры.

Часа в четыре Бытов приехал и, виновато глядя на Ирину, признался, что свободных квартир, конечно, нет, но он договорился с хорошими чистенькими стариками, и до лучших времен можно пожить у них. Ирина кивнула, попросила увезти на квартиру чемодан, предвзительно вынув из него белоснежный врачебный халат и шапочку.

– Давайте мы договоримся так: завтра я познакомлюсь с каждым, а сегодня только одна просьба: на работе быть в совершенно белых чистых халатах. Мы ведь медицинские работники, правда? И должны всем показывать пример высокой санитарной культуры.

Эти слова особенно понравились женщинам, и коллектив расходился, дружно улыбаясь.

Старикам видно, льстило, что у них будет квартировать заведующая больницей. Они встретили гостью у ворот, поклонились:

– Проходи, дорогая, в передний угол, комнатку мы тебе приготовили, Ивановна даже новым комплектом постельного пожертвовала. Недавно отгуляли ее семьдесят, так профсоюз отблагодарил пакетом бывшую ударницу.

Ирина улыбнулась:

– Так, значит, хозяйка Ивановна, а хозяин?

– Ты не поверишь, но тоже Иванович, только я Александр, а она Александра. А вас как мы станем величать?

Гостья махнула рукой:

– Какое величание? Ирина, и все тут. Нам ведь жить под одной крышей.

Ее сразу пригласили к столу, но сначала посмотрела свою комнатку, маленькую горенку, это она потом узнает, что так зовут пристроенные к пятистеннику спальни. Железная кровать с большими шарами на дугах, две большие пуховые подушки: ткнула кулаком – по самый локоть рука провалилась. На стене ковер, грустная Аленушка оплакивает своего непослушного братца. Небольшое оконце завешено тюлевой шторинкой и двумя половинками «задергущек» (позже узнает) с выбитыми на швейной машинке узорами.

На столе в большой сковороде стояла жареная картошка, огурцы и помидоры нарезаны крупными кусками, белый хлеб домашней выпечки, кринка с молоком.

– Ирина..., вот холера какая: неловко без отчества...

– Николаевна, – выручила Ирина.

– Так вот, Ирина Николаевна, требуется по стопке выпить за новоселье. Ивановна, разливай!

Ирина не стала отказываться, взяла большую рюмку и уловила запах самогона.

– Ничего, дочка, этот напиток целебный, он из чистого хлебушка, верно, дух страмной, а ты не дыши.

Ирина в несколько глотков выпила жгучую жидкость и быстро закусила огурцом. Потом ели деревянными ложками прямо из сковороды жареную картошку на кусочках соленого сала и вели разговоры. Говорил Александр Иванович:

– Тебе, дочка, шибко повезло, что попала в нашу деревню. У нас народ весь с одного места из-под Москвы переселен, с первого дня жили артельно и дружно. Тятя мой сказывал, что деревня была как общество, собирали сходы, это как собрания нынешние, только с поль-

зой. Нынче-то проблаговостят три часа, а спроси после, об чем говорили – не каждый вспомнит. Опять же и пользы никакой. А тогда избирали старосту, назначали писаря, и без участкового был полный порядок. Я за малым не угадал на первую Германскую, годами не вышел, а потом Колчак не побрезговал, погнали нас на Омск. Были середь нас и толковые мужики, наши деревенские, которые уже хлебнули мурцовки и ядов понюхали немецких, отчего и побросали оружия, и домой. Натакали нас, как надо действовать, ночью мы всех чужих перевязали, рты позатыкали, коней запрягли, и в домашнюю сторону. Красные остановили, кто, откуда, и велели в строй вставать. Как говорится, из огня да в полымя.

– Вернулись героями? – спросила Ирина.

– Знамо дело! Пятерых увезли на шахты, по суду, других попугали и отпустили. А тут и двадцать первый год, восстание. Понятно, что мы все пошли в отряды, надеялись прежнюю жизнь вернуть.

Супруга постучала по столу казанками:

– Лександро, ты добрякашь ботолом своим, «воронок» подрулит.

– Шура, кому я нужен в семьдесят-то лет!

– Тогда на месте порешат. Вон к заплоту приставят и пальнут.

Ирина заступилась:

– Александра Ивановна, что вы такое говорите? Никто не тронет. А новая жизнь вам чем не нравилась?

Старик помялся:

– Да как тебе сказать? Тем и не глянулась, что новая, другая. Тятя мой был человек, вся деревня кланялась, он на церкву, когда строили, сто золотых рублей положил, во как! А тут все переменялось: хлеб отдай, мясо отдай. А самому чем жить? За восстание нас, конечно, по головке не погладили, но, поговаривали мужики, испугалась власть, не всех ко стенке, хоть и брали. Верно, потом, перед войной, еще раз прошлись, у нас человек семь увезли, и с концом. А тут Гитлер. Как бы эти мужики сгодились! Не иначе, вредительство было среди НКВД, потому и подвели под монастырь Берию и прочих. Товарищ Сталин всех вывел на чистую воду.

Ирина оживилась:

– Вы Сталина хвалите, а как же культ личности, и из мавзолея вынесли?

– Дорогая ты моя, да потому что дураки! Вот тебе крест, хоть я и не шибко верующий! Народ со Сталиным войну победил, а они его обосрали, не за столом будь сказано. Зависть и низость, больше ничего.

– Вы про церковь говорили...

– Вот еще одна дурь. Такая красавица стояла, любо посмотреть, нет, всю раздолбили, и ничто в дело не пошло. Школу склади кирпичную, она каждый год по два раза горела, пока не прикрыли. На гать вывезли тысячу подвод со щебнем – седни привезли, к утру нету, ушел в землю.

– Вы считаете, что Бог наказывал?

– А кто? Не райком же. Бог и наказал. Все, кто ломал, хоть и по наряду, все полегли на фронте. Я только кирпич и щебень возил, и то мне осколок достался, за что и благодарю Господа.

Ирина удивилась:

– Александр Иванович, вы же сказали, что не шибко верующий.

– А где ты теперь сыщешь верующих-то настоящих? Я тебе так скажу: от Бога отвернули народишко, а к Ленину он не прислонился. Оттого и болтаюсь, как говно в пролубе. Нам бы жить сейчас – с табаретки не достать, а мы все в резиновых калошах ходим. На днях гляжу: Рома Носастенький идет, спрашиваю: «Далеко отправился, на ночь глядя?». Отвечает: «На партийное собранье». «А почто в калошах?». «А нам, коммунистам, нечего скрывать, вот купил

новые калоши, пусть все видят». Вот скажи мне, ты врач, грамотный человек: разве так можно людьми руководить, когда калоши вместо хромовых сапогов в народе?

Ирина помолчала, потом спросила:

– Александр Иванович, вы же говорили, что народ у вас работающий и дружный. Почему тогда так плохо живете?

– А вот я скажу. Наняли мы один год пастуха коров пасти деревенских, и что ты будешь делать!? Корова домой приходит, а молока нет. С неделю такое, а потом обнаружилось, что не только у нас, по всей деревне так. И пошли посмотреть, а как же пастух наш молочко нам нагуливает? И нашли, что он с утра весь табун сгуртовал в старый колхозный загон, а сам посыпал на вольном воздухе. А ведь травы кругом выросли – ноги не протащить.

– Вы хотите сказать, что от пастуха все зависит?

– Конечно, от пастуха.

– Крамольные ваши разговоры, Александр Иванович, вы бы в самом деле с ними поаккуратней.

– А я, Ирина Николаевна, на митинги не хожу. Так вот со старухой порассуждаю, да вот ты появилась, тебе пожалился. Я же битый, все понимаю. Ежели вслух сказать, могут и в самом деле припаять статью, это у нас за всяко просто. Ну, еще по рюмочке?

Ирина отказалась. Выпила стакан еще теплого вечернего молока, поблагодарила хозяев.

– Мы с вами должны обговорить условия моего проживания. Александра Ивановна, готовить у меня времени не будет, так что рассчитывайте и на меня. И за комнату – сколько все это будет стоить?

Хозяева посмотрели друг на дружку, улыбнулись:

– Дочка, ты про это не думай и в голове не держи. Ничего с тебя брать не станем. Другое дело, если прикупишь чего, чтобы бабка скусней приготовила.

Ирина запротестовала:

– Ну, так же нельзя, Александр Иванович!

– Так должно быть между людьми, где это видано, чтобы за выручку с человека деньги брали? Забудь. А еще раз заикнешься – обидишь кровно.

Заведующая пришла в больницу в семь часов утра, у входа ее поджидал мужчина довольно пожилого возраста, явно злоупотребляющий спиртным. Вид и запах выдавали его окончательно. Она поняла, что это Волокушин.

– Простите, Ирина Николаевна, вы меня уже уволили?

– Еще нет. Проходите в кабинет. Я собираюсь работать долго и хорошо, потому мне нужны надежные и деятельные помощники. Вы, как я понимаю, таковым не являетесь. Что ответите на эти слова?

Волокушин пожал плечами:

– Вы все сказали правильно.

Ирина удивилась такой податливости:

– Вы можете объяснить, почему пьете? Ведь на вас была больница, коллектив, пациенты. А вы на все наплевали и пьянствовали, так мне доложили. Почему? Может, вам пролечиться? В Челябинске есть клиника, я могу вам посодействовать.

Волокушин впервые поднял на нее глаза:

– Ирина Николаевна, оставьте меня на работе, я ведь был неплохим зубником, но должность испортила. Каждый спешит ублажить, потому что в любое время может потребоваться больничный или справка. Например, сын пришел на побывку из армии, что мне стоит дать ему справку, что пять дней находился в стационаре по поводу ОРЗ? А родители готовы неделю угощать после этого. У меня и дома неприятности, детей трое, жена собралась уезжать. Без них я совсем пропаду.

Ирина жестко ответила:

– Домашние дела, товарищ Волокушин, будете улаживать самостоятельно. Даю вам сегодняшний день, чтобы привели себя в порядок. Завтра – как стеклышко, и так каждый день до первой выпивки. Увижу утром, что с бодуна – выпру к чертовой матери. Все, свободны.

Через полчаса о крутом нраве новой заведующей знали и сотрудники, и больные.

Ирина открыла тумбочку письменного стола, оттуда вывалился с десяток пустых бутылок. В ящике стола хлеб, огрызки луковицы, кусок соленого сала. Позвала санитарку:

– Вы у себя дома так же живете?

– Как? – не поняла санитарка.

– Как в свинарнике. Я ухожу по больнице, к возвращению кабинет должен блестеть чистотой. Уберите все, промойте с содой, после работы побелите стены, вымойте потолок, сделайте все, чтобы войти было приятно.

Она взяла подготовленный заранее список всех сотрудников с указанием специальностей: терапевт, зубной врач, детский фельдшер, акушерка, медсестра физиокабинета, техник-рентгенолог, процедурная сестра, фельдшера на приеме больных и в стационаре, лаборант. Стационар на двадцать коек. Кухня, столовая. В коридоре сидели больные, ожидавшие очереди на прием. Вошла к терапевту. Валентина Алексеевна, женщина лет сорока, осматривала больного, отложила прибор, которым измеряла давление, заведующая кивнула: «Продолжайте». Ей понравилась манера доктора вести разговор с больным, она выспрашивала всякие детали быта и работы. Когда осмотр был окончен, врач выписала рецепты и уточнила:

– Вот эти лекарства вы можете купить только в райцентре.

Когда больной вышел, Ирина Николаевна спросила:

– Разве у нас нет аптеки?

Валентина Алексеевна кивнула:

– Есть. Но никто не контролирует поступление препаратов, не делает заявки. И в больницу привозят только самое простое и необходимое.

– Вы давно здесь работаете?

– Ой, уже восемь лет.

– И не сбежали?

– Ирина Николаевна, куда сбежишь, у меня семья, две девочки, муж и перевез меня сюда. Нет, и не собираюсь сбежать, уверена, что у нас сейчас дела пойдут лучше.

Ирина приподняла бровь:

– Это почему?

Женщина чуть смутилась, но ответила прямо:

– Я уверена, что вы приехали сюда не просто так. И вы не сумеете работать плохо. Я это вчера по первому вашему заявлению поняла.

Ирина встала:

– Хорошо, Валентина Алексеевна, работайте. Только первое впечатление может быть обманчивым.

– Нет, Ирина Николаевна, я никогда не ошибаюсь.

Молодая девушка акушер-гинеколог вытирала вымытые руки перед очередным приемом.

– Вас зовут...

– Зина. Зинаида Михайловна.

– Как вам работается, Зинаида Михайловна?

Девушка пожала плечами:

– Трудно. Женщин много, у нас в год регистрируется по сто пятьдесят беременностей.

– А где рожают?

– Кто где, Ирина Николаевна, и дома, тогда приходится выезжать, чтобы не было осложнений, и у нас, когда вовремя привезут женщину, но многих отправляю в район, если вижу, что возможны проблемы. Зато столько радостей в больнице, когда ребеночек родится!

– У вас есть свои дети?

– Что вы, я и не замужем вовсе.

– Извините, вы так говорили о ребенке, что я подумала: сама мама. Зинаида Михайловна, составьте список всего, что вам необходимо для работы. Конечно, в разумных пределах, но конкретно. Будем добиваться в районе поддержки наших женщин, правильно?

– Полностью согласна, Ирина Николаевна!

– Вот и славненько!

Кухня и столовая произвели на заведующую ужасное впечатление. Пробовать предстоящий обед она отказалась, потому что внешний вид пищи, посуда, сама повар, обширная и лоснящаяся женщина, убивали аппетит напрочь. Попила в кабинете чай с бабушкиными пирожками, хорошо, что утром не смогла отказаться, и пригласила бухгалтера.

– Серафима Михайловна, мне нужна ваша помощь. Не скрою, я интересовалась вами у главбуха районной больницы, характеристики самые положительные. Следовательно, на вас я могу рассчитывать. Давайте в субботу объявим всеобщий день уборки. Вы посмотрите, в какой ужасной обстановке мы живем. Дайте команду завхозу подготовить известку, краску для полов, дверей и окон, кисти и все другое. Проследите, чтобы было все. Деньги? Возьмите любые, потом все оформим.

Утром Ирина позвонила главврачу:

– Петр Петрович, заберите у меня восемь человек со стационара дня на три, мы хотим сделать в палатах косметический ремонт.

– Наслышан я о ваших деяниях, очень рад, и, конечно, поможем. Давайте, я запишу, какие больные, чтобы места подготовить. Так, терапия пять, хирургия один и две в гинекологию. Понял, как только подготовим места, я пришлю две машины. Да, Ирина Николаевна, председатель вашего колхоза интересовался новой заведующей, вы бы к нему зашли, колхоз очень даже может вам помочь в ремонтных делах.

«И правда, – подумала Ирина, – как же я сама не догадалась? Люди-то чьи – колхозные. Да и из совхозов тоже. А что? И совхозы подключим, надо этим обстоятельно заняться».

У своего бухгалтера и всезнающих хозяев Ирина навела справки о председателе колхоза, с которым ни разу еще не виделась. Панков Алексей Павлович. Молодой, лет тридцать, женатый, красивый, трезвый, строгий. В председателях три года, люди его уважают. Этого было достаточно, чтобы идти к нему с конкретными предложениями. Позвонила, представилась, спросила, когда удобнее подойти для разговора. Он не выразил особой радости от предстоящей встречи, но время назвал: в три часа. Ровно в три она открыла дверь кабинета. За столом сидел симпатичный молодой человек, голубоглазый, с волной русых волос, откинутых вправо, с открытым лицом, готовый к любому разговору.

– Добрый день, Алексей Павлович. Я заведующая участковой больницей, зовут меня Ирина Николаевна Дзюбина. Думаю, мы должны быть знакомы, ведь заботы у нас общие.

Председатель улыбнулся:

– Это в какой части они общие? Каждый день транспорт искать, чтобы больных из деревень к вам доставить? Отбиваться от главного, который считает, что колхоз должен чуть ли не содержать больницу. Могу продолжить.

Ирина жестом руки его остановила:

– Это хорошо, что вы в курсе наших проблем, мне и объяснять ничего не надо. Алексей Павлович, вы хоть раз у нас были? Нет, не за помощью, избави Бог, вы такой сильный и здо-

ровый мужчина, а из любопытства: как же лечатся мои герои труда? На чем спят? Что кушают на обед? Наконец, не упадет ли на них потолок, который стелил еще, возможно, ваш папа?

Председатель посерьезнел, легонько пробарабанил пальцами по столу:

– Я так понял, что вы не на меня посмотреть пришли. Говорите прямо. А что касается моего отца, то он был механизатором, потолков не стелил. Он умер от ран в шестидесятом.

– Простите меня, Алексей Павлович, за бестактность. И по делу: предлагаю снести всю рухлядь больничную и построить новый небольшой больничный корпус.

Председатель в упор посмотрел на Ирину и покраснел, то ли первый раз женщину в ней увидел, а не посетителя-просителя, то ли смутился, что глупости говорил:

– Ирина Ивановна...

– Николаевна.

– Да, конечно. Идея замечательная, но вы не по адресу пришли, это дело советской власти. Надо заказать проект, выбить финансирование, войти в титульный список строительства, найти подрядчика.

Ирина перебила председателя:

– Алексей Павлович, мне горько слышать ваши слова. Ваше родное село, тут мама живет, тут могила отца, деток ваших, возможно, супруга приводит на проверку в наши развалины. А вы рассуждаете, как махровый бюрократ. Вы же энергичный современный руководитель, должны видеть свое хозяйство в завтрашнем дне. Я заходила в школу – вы нашли способ ее построить. Но школа – это знания, а больница – здоровье. Вы даже не замечаете наши ФАПы в деревнях, в ваших бригадах – убогие избышки. И это в семидесятые годы! «Это дело советской власти!». Да как у вас язык повернулся сказать такое! А мы с вами разве не советская власть? Мы же руководители, и тоже за власть отвечаем.

Панков рассмеялся:

– Ирина Николаевна, вы в райкоме партии не работали?

– Бог с вами, Алексей Павлович, я и в партии не состою.

– Убежденности в своей правоте у вас много. Может, так и надо? Действительно, я не особенно хорошо знаю ваше хозяйство, поедем, посмотрим.

В председательском узике, он сам за рулем, они подъехали к больнице с заднего двора, так попросила Ирина.

– Посмотрите, какая огромная территория пустует. Конечно, можно организовать огород, но меня сегодня не картошка с капустой интересуют. Строить можно, ничего пока не снося. То есть, мы делаем свое, а строители свое. Скажите, только честно: вас мое предложение хоть сколько-то воодушевляет?

Алексей засмеялся:

– Попробовал бы я сказать, что вдохновенная речь молодой красивой заведующей меня не воодушевляет. Я же все-таки мужчина.

– Э-э-э, куда вас поволокло, Алексей Павлович, дорогой. Я ему про стройку, а у него лямуры на уме! С вами вообще об этом говорить нельзя, вы женатый человек.

Алексей возмутился:

– Вот глупейший подход: если человек женат, то и права не имеет общаться с другой женщиной.

Ирина серьезно заметила:

– Алексей Павлович, давайте тему общения пока замнем. Так что будем делать со строительством?

– Не знаю! Еще раз повторяю: не знаю! Конечно, строить надо, но я, председатель колхоза, не могу решить эту проблему. У меня задачи другие. Пока вот так: нарисуйте мне здание, которое полностью закрывало бы все ваши потребности, схему, чертеж – что сможете.

– Смогу!

– Я проговорю в сельхозуправлении, а главный ваш Бытов пусть вникнет в суть и идет в райисполком, просит денег. Только не зачихивайте, скромнее.

– Конечно, Алексей Павлович, небольшое двухэтажное здание.

Панков махнул рукой:

– Ох, и вляпаюсь я с вами, Ирина Николаевна!

«А ты уже вляпался, милый Алешенька!», – подумала Ирина и засмеялась.

Дома ее ждало письмо от единственной подруги, которой она сообщила свой новый адрес. «Ирочка, дорогая, ты куда пропала? И почему твой адрес нельзя никому? Как ты могла – вышла замуж, и никому ни слова? Почему адрес деревенский, вы что, там жить собираетесь? Ирка, ты сошла с ума, ты и деревня – это несовместимо. Напиши подробней. Я с ума схожу...»

Быстро написала ответ. Она и без того целую неделю переживала, зачем расслабилась, зачем написала Ларисе? Она подруга хорошая, но вдруг кто-то из девчонок увидит письмо или она проговорится, что нашлась Ирка? Ответ был кратким: «Лариса, я счастлива, Алеша прекрасный человек, через два дня мы едем в город и регистрируемся. Никому ни слова, потому что найдутся желающие испортить мне жизнь, а я не хочу, чтобы он знал что-либо о моем прошлом. Сюда больше не пиши, новый адрес я сообщу сразу, как приедем в его дом. Никаких приветов никому, меня нет. Все. Ирина».

Старики были в восторге от ее новости, что будет строиться новая больница.

– Сегодня сяду проект рисовать, рулон обоев купила, чтобы покрупнее. Алексей Павлович пообещал, что добьется.

– Энтот добьется, одно слово: Алексей – Божий человек, – кивнул Александр Иванович. – Дочка, ты не забудь нарисовать тавалет, как в городе. Я раз бывал – красота, сидишь себе на стульчике и газетку почитывашь. В нашем зимой, небось, и заголовки не помотришь, штаны на ходу застегивашь.

– Лександро, устыдись! Такие речи! – одернула его супруга.

– Правильные речи, баба Шура, обязательно туалет сделаем, – поддержала деда Ирина. – И еще много чего очень нужного и полезного.

До глубокой ночи сидела она над широкими листами цветастых обоев, сначала выписала все необходимые кабинеты и помещения, потом стала чертить план.

– Арина, дочка, прости за беспокойство, – дед Александр вошел в комнату. – Тебе другой никто не скажет. У нас озеро есть с той стороны деревни, вода в нем никуда не годна, горькая и соленая, если обкупнешься, сразу на ветру коркой соли покроешься. А дно – сплошь грязь, да вонючая, но шибко полезные и вода, и грязь эта. После войны мужики израненные летом купались, а к зиме бочками завозили и в бане пользовали. Бывало, придет на костылях, а в грязях повалился – смотришь, и свататься побежал. Мне один мужик говорил, что ездил на море, дак там этой грязью мажут и в корыте держат. Вот соорудить бы тебе такую штуку, чтоб от радикулита и прочей хрени спасать народишко.

Ирина аж вспыхнула:

– Дед Саша, какую мысль вы мне подкинули! Это же здорово – свою лечебницу грязевую открыть! Спасибо вам за подсказку, я это обмозгую.

– Обмозгуй, дочка, а я спать пойду, бабка ругается, что бужу ее, когда к стенке перелажу.

Ирина улыбнулась: счастливые люди, полвека прожили вместе, детей нарожали, теперь кто где, одна дочь Мария в колхозе осталась, дояркой работает, прибегает иногда. Как с Ириной познакомилась, обрадовалась:

– Слава Богу, хоть старики под присмотром будут. А то каждый день не набегаешься, да и семьища у меня, и хозяин механизатор, с апреля по октябрь почти не видим.

Утром, едва вбежав в кабинет, Ирина схватила телефонную трубку:

– Колхоз, председателя. Алексей Павлович, здравствуйте, план больничного корпуса готов.

– Что нам стоит – дом построить, нарисуем – будем жить. Здравствуйте, Ирина Николаевна. Вы не обижайтесь, шутка такая, и как раз к месту.

Ирина, действительно, обиделась. До четырех утра просидела за столом, проводя и стирая карандашные линии, а потом уже в чистовом варианте расписала кабинеты и вспомогательные помещения. Она уже видела этот корпус, уже жила им, связывая ближайшие задачи с наполнением его новым содержанием.

– Алексей Павлович, вы найдете время посмотреть план?

На том конце трубки вздохнули:

– Ирина Николаевна, конечно, найду, прямо сейчас, после планерки, я за вами машину пришлю.

Ирина не могла скрыть своей радости:

– Вот еще! Тут пешком десять минут ходьбы.

Лист обоев расстелили на столе, углы прижали книжками из шкафа, вот план первого этажа, вот второго, а рядом – вид с фасада, высокое крыльцо с колоннами, над ним большой балкон, широкие окна вверху закруглены.

– Вам, Ирина Николаевна, следовало в архитектурный поступать. Конечно, о стоимости такого объекта вы даже приблизительного представления не имеете? А это сотни тысяч. Кирпич – первейший дефицит. Цемент, пиломатериалы... Давайте так: вы с Бытовым пробиваете финансирование, я в сельхозуправлении решаю свои вопросы. Когда начнем? – спросил Панков.

Ирина смело посмотрела ему в глаза:

– Вчера надо было, Алексей Павлович. Сегодня мне ехать – смысла нет, Бытов в облздраве, так что только завтра.

– Вот и славно. И я завтра поеду. Рисунки свои оставьте, мне надо начальству показать.

Ирина дошла до дверей и остановилась:

– Алексей Павлович, пообещайте, что вы пробьете это строительство.

Панков вышел из стола, хотел взять гостью за руку, но вовремя одумался:

– Обещаю, если даже поддержки не будет, своими силами начнем делать. Да, у меня в двухэтажке квартирka освобождается, посмотрите?

Ирина улыбнулась:

– Спасибо, товарищ председатель, за заботу, но меня нынешняя жизнь вполне устраивает.

Председатель улыбнулся:

– И не скучно вам со стариками?

Ирина ответила серьезно:

– Некогда скучать, у меня много работы. До завтра.

Но Панков позвонил ей уже через час, сказал, что начальник сельхозуправления перевел стрелки на райисполком, вот председатель приглашает обоих для обсуждения предложения, и надо выезжать немедленно.

Панков сам за рулем уазика, Ирина в строгом сером костюме, волосы косынкой схвачены, явно волнуется, крутит в руках свои чертежи.

– Председатель райисполкома мужик толковый, если он поддержит, считайте, что все получится.

– А если нет? Вдруг ему абсурдной покажется идея? Жили же столько лет, и ничего, – озабоченно высказалась Ирина.

Панков возразил:

– Не скажите, Ирина Николаевна, в районе многое меняется. Сейчас на село стали обращать внимание, вот мы еще три года назад почти ничего не строили, а сейчас школу заканчиваем, дом культуры на очереди. А жилье? Обещаю: в будущем году выделим вам квартиру в новом двухквартирном доме, замуж вас выдадим, будете садом-огородом заниматься, и мужа вам подберем, чтобы специалист в колхозе прибавился.

Ирина будто и не слышала разговора про квартиру и мужа, до самого райцентра молчала, а когда подъехали к исполкому, повернулась к Панкову:

– За квартиру спасибо скажу, а вот мужа, Алексей Павлович, я сама как-нибудь выберу, договорились?

Панков смутился:

– Я же в порядке шутки, Ирина Николаевна!

Она ответила:

– А я очень серьезно, Алексей Павлович.

Панков хлопнул дверцей:

– Идем. Сейчас нас Николай Петрович помирят.

Николай Петрович Хевролин вторую пятилетку был в должности, а до того десять лет работал председателем большого колхоза, откуда и происходил родом. Все, как у всего поколения: трудное военное детство и не менее сложная послевоенная юность, был бригадиром, вступил в партию, нашлись добрые люди – предложили поехать в советско-партийную школу. Николай понимал, что не только институт – техникум ему не светит при его вечерней семилетке, но в совпартшколе учили упорно, готовили кадровых работников власти и партии. Направили секретарем парткома, он так понимал, что все, кроме бумажных дел, есть продолжение работы бригадира, только в масштабах всего колхоза. Так же рано утром приходил на дойку, выезжал проверять ночную пастьбу скота, в посевную и уборочную жил на полевом стане и в поле, переезжая из бригады в бригаду, всегда с народом, всегда среди людей. Его запросто звали Петровичем, почти всегда на «ты», он не кичился и «зоб не растил», как случалось с иными: только стал начальником – сразу через губу разговаривать начинает, голос подбирает, цену себе тоже. Он помнил рассказ одного острословного мужичка:

– Пашку Варварина, как в рабочком избрали, совсем переменялся мужик. Раньше, бывало, окликнешь: «Пашка!», он тут же отгаркнется. А теперь – куда там! Кричу: «Пашка!» – идет, как шел. «Варварин!» – хоть бы хны. Тогда уже: «Павел Матвеич!». Остановился: «Чего хотел, Максим Павлович?».

Через годы избрали председателем колхоза, к своему добавили соседний, стало пять бригад, Хевролин не жаловался, на трибуны совещаний не спешил с докладами, спокойно решал вопросы с партнерскими организациями, построил зерноочистительный пункт, механизировал фермы, доярки и скотники вздохнули свободней. Договорился с ближайшим леспромхозом, всю зиму бригада лесорубов жила в тайге, всю зиму автоколонна возила сосновые кругляки, а дома работали пилорама и столярка. Жилье для колхозников начали строить, большак до райцентра выправили, на лес выменяли автогрейдер у казахстанских дорожников. Приехал как-то большой начальник из области, посмотрел хозяйство, видать, толк в делах знал, и через неделю Николай Петрович стал председателем райисполкома. Он и тут работал от души, многое получалось, но в районе так заведено: все, что хорошо – это заслуга первого секретаря райкома партии, а все остальное – недоработки советских и хозяйственных органов. Хевролин с этим молчаливо соглашался, потому уже дважды меняли секретаря райкома, однако ему повышение не предлагали. Сам Николай Петрович был уверен: если бы даже и предложили, отказался бы решительно и бесповоротно. Но не предлагали, и он вез свой воз настойчиво и терпеливо.

– Проходите, беспокойные души. Вы, Ирина Николаевна, в трех словах скажите, как устроились, как вас колхоз поддерживает? Так уж все и хорошо? Ладно. Садитесь, рассказывайте, что вы там замыслили?

Опять развернули чертежи, Хевролин нацепил очки, смотрел внимательно и без колких комментариев, которых так боялась Ирина.

– Дело, конечно, хорошее. Я только что говорил с Семовских, это заведующий облздравом, он оберучь за, даже пообещал некоторые средства нам перебросить по полугодию из районов, где не осваивают. Но тут главная фигура Алексей Павлович, если он берется, можно к нему в пристяжку. Я сейчас же отдам в стройотдел, пусть обсчитают смету расходов. Будем народной стройкой работать, кто что может. Конечно, Алексей, брусовой дом можно было бы сложить к осени, но надо нам от дерева уходить, через два десятка лет все труды пропадут.

Ирина не удержалась:

– А как же на Русском Севере деревянные церкви стоят по триста лет? Я ездила по туристике от института...

Хевролин кивнул:

– Стоят и стоять будут, если какой-нибудь сумасшедший не подпалит. Дерево тогда другое было, и технология другая, ту же сосну вымачивали и сушили, годами готовили. Нам же отводят лес после сбора живицы, соки все из сосны выжмут, и в деревню на стройку. А от сосны одно название осталось. Да еще мы всю твердь спилим, и остается в бруске очень слабая фактура, если десять лет проживет, уже хорошо.

– Извините, Николай Петрович, а зачем тогда...

– Затем, Ирина Николаевна, что никто не дает пока деревне кирпич и бетон, города надо поднимать, вот так всю жизнь за счет деревни. Ну, ладно, расфилософствовались тут. Ты, Алексей Павлович, закидывай удочку в Казахстан насчет кирпича. А вы, Ирина Николаевна, тормозите своего главного, а то он спит на ходу, пусть из облздрава не вылезит, деньги – самое главное. Если что – сразу ко мне. Все, до свидания.

В машину Ирина села в прекрасном настроении, ей уже казалось, что вопрос строительства больничного корпуса решен полностью и окончательно. И она была сильно удивлена, что председатель колхоза не разделяет ее оптимизма, выглядит суровым и даже подавленным.

– Алексей Павлович, чем вы недовольны? Разве поддержка Хевролина уже ничего не значит?

Алексей включил скорость и рванул с места.

– Значит. Едем домой, мне еще на сенокосе надо побывать.

Машина шла неровно, он то и дело переключал передачи, и всякий раз рука его касалась коленки Ирины. Она сидела спокойно, словно ничего не замечая, пока рука Алексея окончательно не легла на прикрытое юбкой колено, тогда Ирина чуть повернула голову и тихо сказала:

– Руку убери.

Алексей нажал на тормоза и заглушил мотор.

– Ирина! – Он взял ее за плечо, хотел повернуть в свою сторону, она не сопротивлялась, но восторга в ее глазах мужчина не увидел. – Ирина, ты мне очень нравишься, очень. У меня домик есть на озере, поедем?

– И что в домике? Продолжим обсуждение проекта? Или есть новые темы? Эх, Алексей Павлович, и вы туда же. Конечно, справки навели, одинокая, замужем была, терять нечего, почему бы не попользоваться? А я, Алексей Павлович, не ходила замуж, так уж получилось, извините, что ввела в заблуждение. История с неудачным замужеством нужна была на полчаса, а вы и обрадовались. Не скрою, вы мне сразу понравились, но вы женаты, семья, и я ничем не давала повода вот так свободно распоряжаться моей коленкой. Заводите машину, вас еще на сенокосе ждут. И забудем этот инцидент как неуместную шутку.

Сконфуженный Панков молчал весь остаток пути, подвез Ирину к больнице:

– Останьтесь на минутку. Простите меня, я вел себя как мальчишка. Извините.

Ирина засмеялась:

– Осталось только добавить, что это никогда не повторится. – Открыла дверцу, вышла, подняла глаза на Панкова: – А было бы жаль, Алексей Павлович. – И пошла к покосившейся калитке.

Только вошла в кабинет, короткими резкими звонками позвал телефон. Схватила трубку.

– Ирина Николаевна, Хевролин, здравствуй. Хочу у тебя спросить: ты, может быть, слово какое знаешь? Вопросы по твоей новостройке решаются, будто кто из Москвы курирует. Знают, так. Сегодня к тебе выезжает архитектор, сделает разметку, можно начинать копать траншею под фундамент. Это с Панковым, в районе ни одного экскаватора свободного нет. Вчера облздрав поставил деньги, не богато, но начинать можно. С облфином сейчас говорил, там у меня старый друг сидит на деньгах, сотню тысяч найдет. Панков доложил, что фундаментные блоки и кирпич казахи дадут, им нужен лес. Я бы тебе вот что посоветовал: ты работник низовой, приезжаешь в облисполком и докладываешь заместителю Холявко Якову Лаверовичу (запиши, чтоб не забыть), что так и так, начали строить новую больницу, скажи: деревянную, рубим сруб, а леса доброго не хватает. Проси кубов двести, лишним не будет. Если скажет, что только сто, есть у него такая замашка, соглашайся, но предупреди, что через месяц снова придешь, потому что плахи на пол и потолок нужны будут. Он всем лесом командует, нажимай. Я бы и сам, но пойми, Ирина Николаевна, он меня уже боится, каждую неделю в дверь ломлюсь. Поняла?

Ирина кивнула, но тут же скороговоркой:

– Николай Петрович, я боюсь к такому начальству ходить. Кто я есть?

Хевролин засмеялся:

– Я тебе не зря начал пояснять с инициативы. Власти инициаторов почитают. Потом, Холявко перед красивыми женщинами млеет, ты там пошустрей, побойчей, он полтайги отдаст за твои улыбки. Понятно, что в разумных пределах, я же не намекаю на что-то дурное. А для благого дела почему бы глазки не построить, если они есть?

Ирина кивнула, будто Хевролин мог это видеть:

– Поняла, Николай Петрович, все записала, и про глазки тоже. Когда ехать?

– А вот с архитектором и добирайся до исполкома, я тебе машину дам до станции, а там поезд идет вечером, у каждого куста останавливается, зато в восемь утра ты уже в городе. Если что – звони, я завтра на месте.

Место в плацкартном вагоне, но народ тихий и трезвый, потому на верхней полке думается хорошо. Ирина довольна: такого начала своей новой жизни она и ожидать не могла, но все получилось. А теперь вот стройка, сама не понимает, как засосала ее эта идея, как охотно пошли на нее очень важные люди. От Лариски писем нет, значит, поверила, ждет новый адрес. И правильно сделала, что сходила на почту и попросила заведующую возвращать все адресованные ей письма и открытки с пометкой «Адресат не значится». Ей никто сейчас не нужен, только работа и время. Алексей. Хороший мужчина, только вот семья, две дочки, а скандалы Ирине ой, как не нужны. И что делать? А если он будет настаивать? И если она уступит? А потом что? Уезжать ей некуда, потому Алеша потерпит. И она тоже. Холявко Яков Лаверович. Заведомо личность неприятная, но улыбаться надо, потому что за улыбки он даст лес, который Алексей обменяет на кирпичи. А они нужны... Не могла вспомнить, сегодня архитектора столько цифр назвала, что в голове не уместились. Много тысяч штук требуется, и все в Казахстане. Алеша сделает, он теперь в лепешку будет расшибаться, чтобы ей угодить. Его и расшифровывать особо не надо, весь на виду, только бы жена первой его интерес не заметила, а то вся стройка пропадет. Да разве только стройка? Ирина улыбнулась: а ведь я поеду в его избушку, точно поеду, еще до холодов.

Под эту сладкую думку заснула, мерный стук колес и частый скрип тормозов, постоянные хождения полусонных пассажиров – ничто не мешало видеть ей огромные штабеля бревен и пирамиды кирпичей рядом с красивым двухэтажным дворцом ее участковой больницы.

Странно, но в приемной заместителя председателя облисполкома уже знали о визите заведующей участковой больницей, ее сразу предупредили, что времени на разговор только десять минут и проводили в кабинет. Когда она вошла, Холявко уже держал трубку и кивал:

– Хорошо, я вас понял, через пятнадцать минут буду.

Положил трубку, глянул на вошедшую:

– Здравствуйте, садитесь и быстро – что вы хотите?

Ирина подала бумажку, в которой кратко была изложена просьба. Холявко пробежал глазами и кивнул:

– Понимаете, вопрос не простой, а меня первый секретарь обкома вызывает. Если завтра?

– Не могу оставаться, надо сегодня, Яков Лаверович, помогайте! – и она широко улыбнулась. Холявко дрогнул:

– Почему вас, молодую красивую женщину, гонят в такую даль из-за какой-то сотни кубометров леса?

– Из-за двух, Яков Лаверович, а гонят, потому что настоящих мужчин не стало. Прошу вас. Двести. А потом я еще приеду. За дверями и окнами. Вы ведь поможете мне, правда, Яков Лаверович? Не перевелись же мужчины на свете!

Холявко улыбнулся:

– Буду рад видеть вас еще раз. Приезжайте, мы все решим. Вы из какого района? А, от Хевролина? Хитрый жук! Привет ему передавайте, и пусть ждет в гости. Наряд я вам вышлю. А пока – извините, бегом в обком.

Ирина встала:

– Яков Лаверович, дайте команду сделать бумагу сейчас, чтобы я спокойно уехала.

Холявко сел:

– Молодец, девушка, просто молодец! – Нажал кнопку на телефоне: – Инночка, сейчас к тебе придет заведующая участковой больницей, сделай ей наряд на сто кубометров красного леса.

– На двести, на двести, Яков Лаверович, вы же пообещали.

– Инночка, сделай на двести. Она сейчас будет у тебя. Да, подпиши, как ты умеешь это делать, и вручи.

Ирина соображала, уместно ли будет чмокнуть податливого заместителя, но решила, что пока не надо, а там видно будет.

Из облисполкома она выходила с нарядом на двести кубометров соснового леса.

Десяток машин возили кирпич, Панков поставил на объект подъемный кран, чтобы снимать поддоны без битых отходов. Первыми привезенные бетонные блоки уже уложены в траншею, и сейчас три каменщика тщательно выводили цоколь. Контур будущей больницы радовали глаз, Ирина несколько раз в день прибегала посмотреть. Под вечер застала на стройке председателя. После того неприятного разговора Панков смущался, краснел и отводил глаза.

– Завтра дам еще двух мастеров на кладку, прораб будет забегать, а общий порядок за вами.

– А вы, Алексей Павлович? – с легкой усмешкой спросила Ирина.

– У меня нет времени, уборочная начинается.

Ирина ухватила за промах:

– Все-то вам не до меня и моей больнички, то у вас был сенокос, теперь уборочная. Закрутились, поди, и в лесном домике побывать не удалось?

Панков поднял глаза:

– Домик не лесной, а на озере, в воскресенье ездили с ребятами, сетешки раскинули, уху сварили.

Ирина будто ждала такого ответа:

– Уха на озере, на свежем воздухе! Всю жизнь мечтаю о такой ухе, да под рюмочку. Была рюмочка, признавайтесь!

Панков повеселел:

– Конечно, была, Ирина Николаевна, у нас уху без водки даже собаки не едят.

– А что же вы меня не пригласили? В тот раз вон как настаивали, даже на ты перешли, а теперь в кусты? Не хорошо, Алексей Павлович!

Панков оглянулся – нет никого, осмелел:

– Вы только скажите, я вмиг организую.

Ирина согнала с лица улыбку:

– Не время, Алексей Павлович, личными делами заниматься, у меня стройка, у вас уборка урожая. Нельзя свое ставить выше общественного. Может, после открытия новой больницы?

Панков побледнел:

– Я для вас... Не думал, что заслужил насмешки... Ладно, стерплю, Ирина Николаевна! До свиданья!

Он не видел уже, как метнулась к нему Ирина, как легкомыслие исчезло с ее лица, только сел в машину, она уже рядом:

– Не обижайся на меня, Алексей, тебя мой дедушка Божьим человеком зовет. В субботу поедем на рыбалку, согласен?

– Конечно. Я за вами... Я за тобой заеду, Ирина.

– А вот этого не надо. В семь вечера я выйду за околицу, в рощу. Все, уезжай.

Только с третьей попытки машина тронулась с места – мотор глох. Ирина улыбнулась: «Ох, наловим мы рыбки, на всю деревню разговоров». Только потом она вспомнит, что про жену Алексея как-то не подумала.

В субботу дед Лександро, как упорно звала его супруга, усердно топил баньку, дров не жалел, воды наносил полную кадку, веники приготовил, для себя и для Арины – никак иначе называть квартирантку не желал. Ирину встретил в калитке, заботливо принял сумку с продуктами, пошли в дом. Хозяйка уже ставила на стол мясной суп, Ирина выписала немного мяса в колхозе, хотя дед поучал отрезать прямо на больничной кухне.

– Я как-то лежал с неделю, грыжа, язвы ее, замучила, по всему брюху расползлась. Дадут суп, вроде молосным отдает, а мяса нет. Дальше картошку толченую, там ровно три кусочка мясных. Нас лежало семнадцать человек, по три кусочка – полсотни. А каждую неделю завхоз привозит пару скотских ног да свиной окорок. Воруют, сволочи, до больного не доходит.

Ирина помыла руки, повесила полотенце:

– Все, Александр Иванович, отворовали. Повара я заменила, завхоза тоже. Теперь сама хожу на кухню, принимаю завтрак, обед и ужин. Вы сейчас приходите к нам, будем кормить, как в санатории.

Старик засмеялся:

– Нет, душа моя, от добра добро не ищут. Меня бабка кормит, как большого чина, каждый день мясное блюдо. Кто так живет? Раскормишь ты меня, Аринушка, а потом покинешь, замуж выскочишь либо квартиру получишь, и опять бабка меня на картошку переведет.

– Не переживайте, Александр Иванович, замуж никто не зовет, а квартира мне не особенно нужна. Разве мне одной будет лучше, чем с вами? Или я надоела?

– Господь с тобой, родная ты моя, как можно такое? Живи, сколь хошь, я ведь и про еду-то шутейно говорю. Много нам надо? Пряник да чашку чая. Только, ежели котлетку бабка

поджарит, ломаться не стану, хоть и пост. Давай, перекуси, отдохни чуток, и в баньку. Жар нонче добрый, сухой и пахучий, я травки кинул на каменку, душицы. Знатный аромат. Венчик тебе изладил свежий, маленький, меж березовых веток три смородинных спрятал, помашись в удовольствие. Привыкай париться, это и по медицине признано полезительным.

После бани Ирина в своей комнатке сменила халат на легкое платье, подумала и с улыбкой положила свежий халатик в сумочку. Туда же втиснула полотенце. С волнением посматривала на часы: половина седьмого. Рано. Тут ходьбы десять минут, не торчать же в роще, еще подойдет кто-нибудь. Вышла без четверти, машина Алексея медленно выехала из-за бугра, он из салона открыл дверь, Ирина запрыгнула и вжалась в сиденье.

– Не бойся, на дороге нет никого, я проверил.

Она облегченно вздохнула, когда свернули с большака на полевую дорогу, а потом и вовсе на едва заметный след. Домик стоит на высоком берегу чистого озера, ставни закрыты, но дверь не на замке.

– А если хулиганы заберутся? – удивилась Ирина.

– Если захотят, и замок не удержит. Никто не пакостит, разве что рыбаки зайдут, если дождь прихватит. Но – порядок соблюдают, после гостей все чисто.

Они вышли из машины, Ирина любовалась, как кормятся чайки, как бесстрашно бросаются за добычей крупные птицы, Алексей назвал их бакланами. Из ближних камышей выплыла стайка уток и быстро понеслась вдоль берега. Ирина ждала, и Алексей обнял ее сзади, поцеловал в шею.

– Ирочка...

– Не надо слов, Алеша.

Она резко обернулась и, охватив его голову руками, крепко впиалась в губы. Он подхватил ее на руки и занес в дом.

– Ира, я постельное чистое постелил...

– Да пропади оно пропадом, – выдохнула Ирина, сбрасывая платье...

...Они вернулись в село поздно ночью, остановились у роши.

– Ира, я не обманывал тебя там, в постели, я действительно, люблю тебя. Влюбился, как только увидел.

– Алеша, это от избытка эмоций, бывает, не бойся, я не придам твоим словам значения, и не буду напоминать.

– Я тебе не нравлюсь? – по-мальчишески с обидой спросил он.

– В том и беда, Алеша, что нравишься. Но ты женат, и у тебя дети. Потому я ни на что не претендую, и прошу тебя о перспективах наших отношений не говорить. Если сможешь – будем встречаться. Нет – проживу, жила же раньше.

– Ты говорила, что замуж не выходила... – эта фраза далась ему с трудом.

– Ты об этом... Алешенька, ошибка молодости, попался вот такой же симпатюля, думала, до гроба, оказалось – до первой податливой юбки. Я возненавидела его, но и только. Ошибка молодости. У тебя их не было?

Алексей смутился:

– В этом смысле – не было, я сразу женился. Хотя это и есть ошибка. Я с ней разведусь.

– Алеша – без меня! Я не хочу делать детей сиротами. К тому же ты член партии, тебе не разрешат, я так слышала.

– Давай пока не будем об этом. Созваниваться нельзя, девушки на коммутаторе слушают разговоры, тем более – наш. Лучше приеду на стройку, или ты приходи в кабинет, договоримся.

Ирина грустно улыбнулась:

– Не ожидала, что ты такой практичный, после первой встречи условия назначаешь. Молодец!

Алексей испугался такой реакции:

– Ирочка, прости, но надо же как-то договориться? Какой практичный, зачем ты так?

Она потянулась к нему, прижалась к щеке, прошептала:

– Не знаю, зачем обидеть тебя хотела, милый мой председатель. Может, все зло на мужчин выместить? Прости. Ты очень хороший, даже слишком. Мне было так сладко, Лешенька, родной мой...

Так со слезами и вышла из машины, а он долго еще сидел ошалело, пока ощутил ее слезу, скатившуюся в уголок рта. Соленая слеза, искренняя.

Кажется, кричала вся больница. Мужчина средних лет, ожидавший приема у терапевта, вдруг завалился на бок, сполз со стула и потерял сознание. Терапевт Валентина Алексеевна выскочила из кабинета, позвала процедурную сестру, та прибежала со шприцом и горстью ампул:

– Что вводить, Валентина Алексеевна?

– Подожди, я пытаюсь измерить давление.

Подбежала заведующая:

– Что с ним? Пульс? Давление?

– Давление за двести.

– Что вы стоите! Введите ему... Что у вас есть?

– Индапамид, метапролол.

– Так вводите же, хоть что-то, пока он не умер у нас на руках. – Она обернулась, поняла, что сказала лишнее: – Больных прошу удалиться, быстро!

После укола мужчина открыл глаза.

– Где у вас болит? – спросила Валентина Алексеевна. – В груди? В плече? Голова не кружится? Успокойтесь, сейчас вас поместят в палату.

Принесли носилки, двое больных аккуратно уложили мужчину и унесли в палату. Валентина Алексеевна ушла с ними. Ирина Николаевна села на стульчик, голова кружилась, руки дрожали, подташнивало. «Видимо, давление подскочило, так все неожиданно. А, кажется, я правильно себя вела». Встала, пошла в палату к новенькому:

– Валентина Алексеевна, будем сами лечить или подключим районную?

– Сами, Ирина Николаевна. Это Карташов, рабочий из соседнего совхоза. Он уже был у меня, работает трактористом, я просила руководство подыскать ему другую работу, мне ответили, что он сам не согласился на легкий труд.

Заведующая строго посмотрела на пациента:

– Почему вы отказались выполнить рекомендации доктора?

Карташов помолчал, собрался с духом:

– Они мне предложили сторожем пойти в мастерские, на семьдесят рублей. А у меня трое в школе учатся, жена техничка в конторе, на полторы сотни мы заживем. Потому и отказался.

Заведующая гнула свою линию:

– У вас серьезное нарушение работы сердца, резкие перепады давления. А это в наших условиях очень опасно. Если что случится с вами, семье будет еще труднее.

Валентина Алексеевна вмешалась:

– Да они не имели права предлагать ему ночную работу, это с гипертонией-то! Ирина Николаевна, это безобразие!

– Хорошо, разбирайтесь с больным. Я непременно доеду до совхоза.

Только она вошла в кабинет, прибежала медсестра терапевтического кабинета:

– Ирина Николаевна, не могу кардиограмму снять, аппарат не работает. А больной жалуется на сердце.

– Скажите доктору, пусть готовит к отправке в район.

Вошла Валентина Алексеевна:

– Он не транспортабельный, Ирина Николаевна, вдруг инфаркт, мы его погубим.

Заведующая кивнула:

– Отправьте машину за прибором ЭКГ, пусть сестра едет, вам помощь не нужна?

Валентина Алексеевна подошла к заведующей:

– Ирина Николаевна, на вас лица нет, у вас явно давление.

– Не надо беспокоиться, я просто переволновалась. Идите к больному, я отдохну.

«Надо вести себя спокойней, не вмешиваться в такие ситуации. Дам повод для криво-толков. А с оборудованием надо уже сейчас решать, не дожидаться нового корпуса».

После обеда с трудом дозвонилась до конторы совхоза, нашла директора, попросила о встрече. Он согласился на четыре часа, надо быстро ехать. Старенькая «скорая помощь» покатила через мост в соседнее село.

О директоре совхоза Ирина навела справки. Мужчина под пятьдесят, Еремеев Иван Сергеевич, давнишний руководитель, ко всяким переменам относится с осторожностью, скуповат на совхозные средства и собственность, с людьми грубоват, но при нужде помогает. В общем, заключила Ирина, не подарок, хотя расчеты на поддержку совхоза были серьезные.

Не все знала она об Иване Сергеевиче. Молодым парнем попал на фронт, в учебных подразделениях из вчерашних эмтээсовских трактористов быстро делали водителей танков и отправляли на передовую. В первом же бою его танк подожгли, Еремеев крикнул экипажу, чтобы спасались, кто как может, а сам горящую машину погнав навстречу тем, кто его только что подпалил. По нему били, но не попадали, немецким танкистам тоже жить хотелось, и они разворачивали свои машины от сумасшедшего русского. Иван догнал одного, ткнул стволом в башню, а во второй ударился всем корпусом. Как он выбрался через нижний люк – не помнит, очнулся на руках своих ребят. «Ты своим горящим танком осветил своим товарищам путь атаки, и они рванулись вслед за героем, сметая на своем пути все вражеские укрепления. Так была достигнута очередная победа» – писала тогда дивизионная многотиражка «Сталинские танкисты». Ребята потом рассказали, что сметать все на пути не получалось, Иван, точно, остановил два танка, но другие ошетились и приняли бой. Пехоты много полегло, да и танкисты не все встали в строй после боя. Однако Ивана зауважали, комдив прислал орден Красной Звезды, старшина выдал дополнительные сто грамм всей роте. Потом была Курская Дуга, три танка подбили под Иваном, а он выскакивал, оставался живым. Получал машину с ремонта, и опять в бой. Так и дошел до Праги, где служил еще пять лет. Домой вернулся, а изба пустая, мать умерла, отец погиб, братья погибли, один он без единой царапины вышел из войны. Долго не женился, дождался, что соседская девчонка Клавка звякнула в окно. «Дядя Ваня, ты на вечерки пошто не ходишь?». «Не до вечеров, со смены приду, пожрать надо чего-то сварить, то да се – и полночь». «Ты допусти, я тебе варить стану». «Ну, вот еще, придумала. Иди, играйся». «Не хочу. Меня к тебе тянет». «Ну и дура. Нашла себе магнит. Я на десять лет старе тебя, так что не дури». «Буду дурить. Открой двери, я хоть приберусь у тебя». Весь вечер девчонка мыла пола и обметала стены, всю одежду на улице перетрясла, всех клопов керосином вытравивала, пока Иван во дворе матрас с одеялом хлопал. «Ты матрас в сенках раскинь, в избе угоришь от карасина. Клопов откормил, как жеребцов. Пошли, мы с мамой нынче баньку топили, отмойся хоть чуток, с грязи ведь лопашься. Господи, и приглядеть за тобой некому». Отмылся в бане, Клава чугунок супу принесла, накормила. «Ладно, пошла я». «Посиди, хорошо с тобой». «Да я бы осталась, только ты не зовешь». «А что старе я, что люди скажут?». «Хоть чо пусть говорят, а ты мне люб, и тянет к тебе». «Тогда оставайся, Клава, я ведь тоже тебя отмечал, но стеснялся». Так и поженились, в этой избе и троих детей родили, а потом Иван в партию вступил, на курсы бригадиров съездил, пять лет бригадой командовал, пока не избрали председателем колхоза. Тут секретарь райкома вызвал и велел ехать в техникум, договорились, таких вот практиков с семилеткой примут и будут обучать, так получил диплом механика, хотя искренне считал, что месяцы в техникуме псу под хвост бро-

шены. Потом колхоз преобразовали в совхоз, он стал именоваться директором. Так же материл бестолковых механизаторов, так же громко, правда, без мата, отчитывал не очень старательных доярок, за поломки взыскивал вплоть до денежных начетов, говорил: «Ты не мое, ты народное угробил. Всей страной тебе трактор делали, а ты нигрол забыл залить в задний мост после ремонта. И кто ты после этого? Враг! Потому стоимость ремонта по твоей вине оплатишь. И не реви, что у тебя дети малые, ребятишек делать наострился, а простых вещей про технику не знаешь! Будешь платить, а дернешься – я тебе весь вынужденный простой припаяю!». Мужики кряхтели: жестковато, но ведь директор по всем статьям прав. Вот с таким человеком предстояло иметь дело заведующей участковой больницей.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! – Ирина сразу от порога смело прошла вперед и подала руку вставшему из-за стола мужчине. – Меня зовут Ирина Николаевна, я заведующая участковой больницей, которая обслуживает и население вашего совхоза.

– Неправильно выразились, в совхозе есть рабочие и служащие, а население в сельсовете, – без улыбки возразил Еремеев, но гостя явно была настроена на бойкий разговор.

– Хотя вы формально правы, я буду вам возражать. Совет, к сожалению, кроме печати и флага, ничего не имеет, все материальное находится в ваших руках. Кроме того, у ваших рабочих и служащих, как вы выразились, есть семьи, дети и старики, и все они время от времени пользуются услугами нашей больницы. Согласитесь, что тракторист будет работать лучше и производительней, если знает, что в семье порядок, что все здоровы.

Иван Сергеевич повозился в кресле, что было дурным признаком, но Ирина об этом не знала и продолжала улыбаться.

– Если вы хотите сказать, что эту обстановку создает участковая больница, то вы явно преувеличиваете, дорогая Ирина Николаевна. – Еремеев в упор на нее посмотрел. Этого взгляда никто не мог вынести, смущал, сбивал с толку упорный, убежденный взгляд. Но Ирина неожиданно согласилась:

– Иван Сергеевич, если б вы знали, насколько вы правы в своей критике. И мне до слез обидно, что возможности наши крайне ограничены. Потому и начали строить новый корпус. Приезжайте, посмотрите, определитесь, чем можете нам помочь.

Еремеев был явно не готов к такому повороту, потому растерялся:

– Это почему я должен вам помогать?

– Не вы и не мне, Иван Сергеевич, а ваш совхоз своей больничке. Панков помогает, Хевролин помогает, область дает деньги и фонды. Не можете вы оставаться в стороне.

Еремеев встал, походил по кабинету:

– Что сегодня крайне необходимо?

– Цемент, половая рейка, оконные и дверные блоки. Я слышала, у вас работают настоящие столяры, даже на выставку возили свои изделия.

Еремееву это польстило:

– Да, есть мужики, руки не из... то есть, как надо, руки растут. Молодцы. Что, это правда, что Панков всю кладку кирпичную на себя взял? Молодец! Давай так, доктор, договоримся: не гоже совхозу в стороне стоять, столярку мы тебе сделаем. Скажи, сколько же тебе годков?

Ирина засмеялась:

– Иван Сергеевич, женщине такие вопросы нельзя задавать. Мне двадцать четыре года.

– Ты не обижайся, Ирина Николаевна. Если мне человек люб, я его по имени и на «ты» называю, а если хочу на место поставить, перехожу на официальный тон.

– Вы как Толстой.

– Какой Толстой?

– Писатель Лев Николаевич, ну, тот, что «Войну и мир» написал. Если собеседник ему был неприятен, и он хотел поскорее завершить разговор, переходил на иностранный язык, которого тот не знает. И беседе конец.

Еремеев помолчал.

– «Война и мир». Хорошо сказано. Войну знаю досконально, а мирной жизнью еще не жил. Все битва, то за урожай, то за молоко. Ладно, удачно ты приехала, праздник сегодня большой, у нас с Клавдией четверть века совместной жизни.

– Серебряная свадьба?

– Какая свадьба, Иринушка, бит да граблен поженились, ни у меня, ни у нее перемены трусов, извиняюсь, не было. Но подняла советская власть, троих сыновей вырастили, один в армии, один в институте, а старший пошел по партийной части, в обкоме служит. Горжусь. Ты забегай к нам, Клавдия моя совсем как девчонка, на десятку меня моложе. Робит, как все, родила троих, а вот будто вчера пришла ко мне. – И вытер набежавшую слезу.

– Иван Сергеевич, спасибо вам за этот прекрасный разговор, за жизнь вашу богатую, за сыновей. И супруге передайте поздравления и пожелания здоровья и счастья. Да, Иван Сергеевич, чуть не забыла: у нас ваш Карташов, надо бы ему подыскать работу, пока подлечим.

– Сделаем. Я его на технику безопасности поставлю. Жаль, хороший тракторист.

– Мы его вернем в строй, не переживайте. А размеры дверей и окон я вам завтра привезу.

Еремеев оправился, вышел на середину кабинета:

– Не теряй время, я сам завтра заеду, поеду в район и забегу, полюбуюсь, что там друг мой Панков настроил. До встречи, Ирина Николаевна, дорогая, счастливой дороги.

Она вышла, изумленная и потрясенная этой встречей. После работы попросила водителя Славу увезти Еремеевым подарок, в областном городе купила в универмаге шикарный комплект постельного белья, как раз кстати.

В начале недели на утренней планерке она попросила врачей, фельдшеров и медсестер составить список необходимого оборудования и инструментов. В среду все сдали свои заявки. Ирина просмотрела и ужаснулась: столь много всего нужно. Районная больница ничем не поможет, надо выходить на Медснаб. А как? Единственный способ – взять доверенность в бухгалтерии и заручиться письмом главного врача. Бытов на ее подробный телефонный рассказ отреагировал мрачно:

– Ирина Николаевна, вы задаете неразрешимые проблемы. Во-первых, столько сразу никогда Медснаб не даст, во-вторых, нам оплачивать нечем. Наконец, в-третьих – вы что, хотите организовать вторую центральную больницу? Для участковой весь минимум оборудования у вас есть, работайте. Вы и так всю область на уши поставили со строительством.

Ирина дождалась конца тирады и твердо сказала:

– Петр Петрович, прошу вас в ближайший час никуда не отлучаться, я еду к вам.

– С заявлением? – испугался Бытов.

– Не дождетесь! – и положила трубку.

Через час она вошла в бухгалтерию районной больницы и скромно попросила главбуха выписать ей доверенность на получение в Медснабе зубоорудованного кресла.

– Галя, выпиши Ирине Николаевне доверенность в Медснаб.

Ирина подошла к столу Гали.

– Что получать, надо написать. – Галя приготовилась заполнить графу.

– Да напишите одним словом: медоборудование, – беззаботно подсказала Ирина.

Главбух напомнила, чтобы доверенность подписал главный врач.

– Имейте в виду, только кресло и оплатим, – предупредила еще напоследок.

Бытов взял доверенность, прочитал, снял очки:

– Ирина Николаевна, вы со мной шутки не шутите, я такую доверенность подписать не могу, средства на приобретения очень ограничены, а вы размахнулись: медоборудование! Мне главбух позвонила: только одно кресло. Все!

– А я и не собираюсь два братья, Петр Петрович, вы что так расстроились? Даю вам слово, что счет вам будет предъявлен только на кресло. Вас мое слово устраивает? Подписывайте, меня машина ждет.

Выходя из кабинета главного врача, Ирина еще не могла сама себе ответить на вопрос, а как же оплачивать все остальное? Чувствовала, что решение где-то есть, но какое?

В Березовку вернулась к концу дня, так ничего и не смогла придумать. И вдруг екнуло: Иван Сергеевич. Вот кто ей подскажет, как быть. Подняла трубку, попросила уже знакомую телефонистку найти Еремеева. Нашли уже дома.

– Иван Сергеевич, извините за беспокойство, но дело срочное.

– Что случилось, Ирина Николаевна, жалуйся.

Ирина подробно обрисовала ситуацию.

– Подскажите, что можно сделать? Бытов и в Медснаб позвонить может, чтобы ничего не давали сверх этого проклятого кресла.

Еремеев согласился:

– Этот может. Сам ни хрена не делает и людям не дает. Допустим, я могу дать тебе свою чековую книжку, там есть пара тысяч, но хватит ли тебе?

Ирина испугалась:

– А как вы отчитываться будете? Клизмы и ночные горшки на производство не спишешь.

Еремеев засмеялся:

– Ты об этом меньше всего думай, это мы со своим бухгалтером обсудим и спрячем, куда можно. А ты приезжай ко мне, я дома, а твой водитель знает, бывал.

Супруги встретили ее у ограды, невысокого роста очень симпатичная женщина подала руку:

– Клавдия Петровна, лучше просто Клава. За подарок спасибо, Ирина Николаевна.

Они обнялись, как старые знакомые.

– Тоже просто Ирина, не надо отчества.

Еремеев стоял в стороне и улыбался:

– Ну, вы сойдетесь, у Клавы на добрых людей особенный нюх. Проходите в дом.

Хозяйка показала госте комнаты, пола застелены паласами, на стенах ковры, на окнах тюлевые шторы. Уютно.

А в большой кухне на столе уже стоят тарелки с соленьями, вареньями и постряпушками, как в селе называют домашнюю стряпню. В графине настойка. Клавдия принесла альбом с фотографиями, Ирина уже заметила, что это непременный атрибут каждой новой встречи. Сыновья – красавцы. Супруги в молодости на пожелтевшем фото, оба такие скромные и добрые. Говорили обо всем, наконец, Иван Сергеевич принес свою папку:

– Вот что я решил, Ирина Николаевна. Дам тебе машину, чтобы загрузить твои покупки. Утром часика в четыре шофер за тобой заедет, я ему все объяснил. Вот чековая книжка, попросишь бухгалтеров, они заполнят, как надо. Вижу, что ты особых-то прав на оборудование не получила, потому не переживай, если не загрузишь, водитель заедет в Сельхозснаб, накидают железок.

Прощались долго и искренно.

Утром по сигналу автомашины вышла тихонько, чтобы не беспокоить стариков, а дед Лександро уже около водителя, предупреждает, чтобы ехал аккуратно. Всю длинную дорогу любовалась ранней сибирской осенью, комбайнами на полях, встречными машинами с зерном. В Медснабе зашла в бухгалтерию:

– Скажите, пожалуйста, вот мои документы, посмотрите, что я могу приобрести для своей больнички?

Бухгалтерша, полная и суровая женщина, проверила доверенность и чековую книжку, подняла на посетительницу глаза из-под очков:

– А вы кто будете?

– Заведующая участковой.

– Идите в склады и выбирайте, на чеке две тысячи с мелочью. Там все отпишут девушки, и ко мне, будем оформлять.

К обеду у нее на руках были четыре фактуры с перечислением всех отобранных товаров. Ирина прикинула итоговые суммы – Господи! больше трех тысяч! Так и пошла в бухгалтерию, не зная, от чего отказаться, и без того выбирала самое необходимое. Бухгалтерша суммировала цифры и опять подняла глаза из-под очков:

– У вас перебор, девушка, да и приличный. Так: три двести тридцать четыре минус по чеку... Тысяча сто рублей с копейками. Что будем делать?

Ирина села, так стало обидно, и отказаться не знает, от чего. Сама не заметила, что слезы покатались.

– Маргарита Сергеевна, у меня есть семь тысяч облздравовских, давайте закроем ее фактуры, и делу конец.

– Люба, Ахметшина спросит, что будем говорить?

– Да так и скажем, что оплатили оборудование для участковой больницы. Не зеркала же она в свою квартиру взяла.

– У меня и квартиры-то нет, – почему-то вслух сказала Ирина.

Все засмеялись. Фактуры подписаны, чек из книжки вырван, через час все ящики и коробки уже в кузове. Такой счастливой Ирина давно себя не чувствовала.

Утром всем коллективом разбирали привезенное. Трезвый, как стеклышко Волокушин чуть не целовал новое кресло, новое кресло унесли к акушерке, водитель Слава у крыльца собирал столы и распаковывал стулья. Два десятка коробок поставили в склад. Весь коллектив улыбался, будто праздник какой. Акушерка Зинаида Михайловна сказала при всех:

– Ирина Николаевна, помните наш первый разговор, что мы теперь будем жить с каждым днем все лучше. А вы мне еще замечание сделали. Спасибо вам.

– Все, товарищи, торжественный разбор гостинцев окончен, все по рабочим местам. Люди ждут.

Зашла к себе в кабинет, села за стол. «Неужели все пойдет вот так хорошо? Господи, дай мне силы и терпения, избавь от подлецов и недоброжелателей!».

Телефонный звонок вернул в реальность. Бытов.

– Здравствуйте, Ирина Николаевна. Я в курсе ваших приобретений, только один вопрос: а кто будет платить за такой размах? Вы даже полированный стол для себя взяли?

Ирине так хотелось послать его куда-нибудь далеко, но сдержалась:

– Не для себя, Петр Петрович, а в кабинет. И оплата вас пусть не волнует, никто вам ни копейки не предьявит.

Бытов был ошеломлен:

– Это как? Я не понимаю. Кто плательщик? Вас же посадят за аферы, товарищ Дзюбина!

Ирина положила трубку. Что ему можно объяснить?

Уборочная страда сразу накатывает на деревню и подчиняет себе всю ее жизнь. Рано утром неспешной походкой, разминая натруженное за день и разнежившееся за ночь тело, в сторону машинных мастерских тянутся шофера и трактористы, комбайнеры и их молодые помощники. Встречаясь на перекрестках, степенно здороваются и идут, изредка обмениваясь короткими фразами.

– Вы вчера где молотили?

– У горелой березы. А вы?

– Нас кинули, где Леха спал.

– Как намолот?

– Да ничего! Центнеров по двадцать взяли.

– У нас похуже, но тоже ничего.

Каждое поле со своей биографией, потому что поколениями их пашут и засевают, а по осени собирают плоды трудов своих. Биографии складываются из больших и малых событий. Вот было в двадцать первом году восстание мужиков против коммунистов, били потом их красноармейцы безжалостно, прямой наводкой из пушек деревни расстреливали непокорные. Отсюда Смертное урочище. На месте бывшей коммуны, соответственно, Коммунарское поле. Был после войны трактористом вчерашний танкист Яша Казаков, что ему в израненную башку шибануло – посреди пашни низинка, мокрая, сроду не пахалась, а на краю высокая береза росла, так Яша облил березу соляркой и поджег. Загубил, страмец, деревцо. Так не Яшкиным полюшко зовут, а в память о той березке полем Горелой березы записали и земельных чертежах отметили. В первую посевную, когда Алексея Павловича избрали председателем, он сутками был в поле. Днем сеют мужики, надо посмотреть, да не в контроле дело, чтобы видели колхозники, что председатель тут же, вместе с ними, а не пьет погребной квас в холодке. А ночью агрегаты землю готовят, сцепы дисков, культиваторов и борон вздымают слежавшуюся за зиму зябь, выдирают овсюг, осот и прочий сорняк, выравнивают пашенку. Председатель никого не останавливает, подъедет, пройдет по полю, помнет комочек земли – можно ли завтра тут сеять? На одном поле остановился, полюбовался на работающие агрегаты, да так за рулем и уснул, до того, видно, организм притомился, что не слышал, как на солнцевосходе пришли два трактора с сеялками. Не стали мужики будить председателя, знали, что не после гулянки приморило, так и обсеяли его газик, ушли вглубь поля, а Панков проспал до обеда. Как-то само собой вжилось в крестьянский обиход это название для поля, где председатель спал, только упростили, в честь вчерашнего тракториста Алеши, Лехи его окрестили. На карту еще не занесли, но в нарядах бригадирских такое название Панков уже встречал.

Это он в первую же уборку запретил гонять комбайны в деревню, а велел ставить по окончании работ в одном месте, но с пустыми бункерами, чтобы не искушать охочих зерном поживиться. Зато инженерной службе работы прибавилось, надо за ночь все стоянки объехать, комбайны соляркой заправить, смазку добавить, куда надо, воды в радиаторы залить и полную флягу поднять на мостик, ведро солидола оставить, чтобы комбайнер утром со шприцом все тавотницы обошел и прокачал смазку до каждого подшипника.

Это он договорился с властями, чтобы магазины и медпункты в деревнях открывались в шесть часов утра, и уборочный народ, (а кроме местных по месяцу и больше жили прикомандированные шофера, молодые работницы городских фабрик и просто студенты), мог до начала работ отовариться необходимым, и таблетку какую получить, если нужда в том есть.

Самую юную крестьянскую поросль, школьников, уборка брала в оборот, на складе всегда в это время работы много: надо зерно к вороху подмести, подтолкнуть его к транспортеру погрузчика, помочь шоферу полог в кузове заправить, чтобы до элеватора ценный груз не раздуло.

Пятую уборку проводит Панков, каждое поле знает, в голове свой план и порядок страды, это для начальства он велел агроному составить план, который утверждал аж первый секретарь райкома. Вечером побывает на тех полях, которые на подходе, и ночью передаст агроному, куда завтра перегонять комбайны. На складе дождетя последнюю машину с зерном, последних комбайнеров домой увезет, тогда весь баланс на руках, сколько обмолочено, сколько в валки уложено, сколько зерна на склад поступило. До самого предела терпит нажим руководства: почему намолот большой, а государству отгружаешь мало? Панков начальников понимал, и они, вчерашние колхозные и совхозные лидеры, понимали его, но у каждого своя работа. Колхоз отгружал хлеб, если приходили машины автохозяинства, но своей ни одной не отпускал. Еще и силос закладывали кукурузный. И такая у Панкова была позиция: пусть лучше автомобиль постоит на полосе, подождет, когда комбайн даст длинный сигнал, что бункер полон, чем ком-

байны будут простаивать в томительном ожидании, теряя время и производительность. Когда дело доходило до звонка первого секретаря и угроз приехать и разобраться, Панков спокойно говорил, что хлеб весь подработан и в ворохах на складе, государство может быть спокойно, в Америку он его не продаст, так что волнения излишни. А сводку мы в три дня подправим, как только с обмолотом станем заканчивать. Панкову такие речи с рук сходили, потому что данного слова он никогда не нарушал.

Только раз позвонил он Ирине, пригласил посмотреть стройку. Встретились сдержанно, Алексей повинился, что совсем времени нет, что скучает по Ирине. Она кивнула, мол, поняла, прошли вокруг здания, второй этаж выкладывают мужики.

– На первом можно вести штукатурку, Алексей Павлович?

Он кивнул:

– Надо начинать. У меня сейчас бригада армян заканчивает ремонт коровника, ребята надежные. Но, Ирина Николаевна, зарплату придется вам выбивать.

Ирина шла впереди, остановилась:

– Научите, как? Санитарами их оформить?

Панков засмеялся:

– Не получится. Решайте в райфо по наличным деньгам. Правда, Ирина, мне такую сумму ничем не закрыть. Да и зачем подставляться? Попробуйте порешать, ведь Хевролин в курсе, поможет.

Зашли вовнутрь, Ирина показывала: это кабинеты специалистов, тут за толстыми стенами будет рентген, все удобно для посетителей. За перегородкой кухня, в столовую над ней надо соорудить лифт. В конце коридора с обеих сторон лестницы на второй этаж, с одной вход в стационар, где десять небольших палат на два человека, с другой опять кабинеты специалистов, а вот это – большая комната на три окна – кабинет заведующей.

– Нравится, Алексей Павлович?

Тот кивнул:

– Особенно лифт. И где вы его возьмете?

Ирина даже не удивилась:

– Не найдем – попрошу мастеров, не думаю, что у наших мужиков ума не хватит соорудить небольшой подъемник.

Панков покачал головой то ли от удивления, то ли недовольства.

Когда спустились, Ирина попросила:

– Возьми меня с собой в поле, я никогда не видела уборку хлеба. Вечером нас никто не увидит. Да, в конце концов, имеет право председатель показать врачу, как работают его люди?

Панков помолчал, усмехнулся:

– Ближе к темноте выходи на то же место, проедем, полюбуешься со стороны, чтобы, не дай Бог, никто не подошел или подъехал.

Свернул с торной полевой дороги, лесными тропками провел свой газик к полю, где работали пять комбайнов, да несколько грузовиков дожидались сигнала, еще стояла машина техпомощи и легковушка парторга. Панков заранее погасил фары, тьма поглотала их. Алексей обнял Ирину, прижался губами к щеке:

– Я так скучаю по тебе, Ириша. Поедем в наш домик?

Ирина аккуратно убрала его руки, проворчала с наигранной суровостью:

– Мы договаривались только полюбоваться уборкой, не мешай, Алеша, посмотри, как красиво.

Картина действительно была яркая, почти фантастическая, фары комбайнов выхватывали фрагменты грузовиков, копны соломы, первые березки на кромке поля, потом над комбайном загорался красный фонарь, сирена разрывала влажный ночной воздух, и уже мчался

грузовик, освещая пространство впереди себя, резко тормознув под выгрузным шнеком. Ирина припала головой к плечу Алексея:

– Ты даже представить не можешь, как я счастлива. У меня интересная работа, ко мне хорошо относится районное начальство, да и местное помогает. И самое главное – у меня есть ты. Правда, ворованный, но все равно очень родной.

Алексей взял ее за руку:

– Ирочка, если ты согласна, я разведусь. Одно твое слово.

Ирина горько улыбнулась:

– Алеша, ты посмотри хоть на чуть-чуть вперед. Как только ты разведешься, тебя сразу снимают с должности, исключают из партии, работы нет, жилья нет, потому что жену с детьми ты из дома не выгонишь. И что мы будем делать? Из Березовки надо уезжать, и куда? Ты же умный мужчина, у такого решения нет перспективы. Да, я хотела бы стать твоей женой, но не такой ценой. Потому будем довольствоваться тем, что имеем. Твое приглашение в домик у озера остается в силе? – И рассмеялась счастливым смехом.

Наличные деньги всегда оставались проблемой, потому на заявку заведующей больницей о выделении пяти тысяч для оплаты отделочных работ заведующий районным финансовым отделом Гордеюк, крупный и довольно грузный мужчина с широким корявым лицом и большой бородавкой на правой щеке, отреагировал очень резко:

– До меня доходят слухи о вашем подпольном строительстве, удивляюсь, как это область выделяет такие суммы неизвестно, на что. И вы еще находите наглость идти ко мне за наличкой! Ни рубля не дам, да еще ревизию вызову, чтобы проверили вашу аферу.

Ирину предупредили: если Гордеюк против какого-то решения, он волнуется, и от того нервно дергается его бородавка. Сейчас она видела, что все лицо его пришло в движение.

– Демид Кондратьевич, вы напрасно так волнуетесь, действительно, мы строим новый корпус больницы, да, не совсем законно, потому что законно не получится в ближайшие три года. А у нас в операционной земля через потолок сыпется прямо на больных. Мы обслуживаем население трех сельсоветов, в том числе ваших избирателей, ведь вы в районном совете представляете Сугатовский совет, правда?

Гордеюк удивился:

– И что из того?

– Как это – что? Ваши избиратели давали вам наказ расширить фельдшерский пункт в Сугатово, а мы решаем проблему медицинского обслуживания населения основательно. Ведь в новом корпусе будут все услуги, вплоть до малой хирургии, женщины рожать смогут на месте, а в старом здании поставим ванны, будем грязь возить с Горького озера и воду, всякие костные и суставные болезни лечить.

Гордеюк с удивлением смотрел на эту, по его понятиям, девчонку, которая собралась перевернуть все больничное дело в Березовке, ее слова о грязях и суставах напомнили собственные проблемы: с войны Демид Кондратьевича мучил радикулит.

– Про ванны – это хорошо. А откуда у вас информация про наказы?

Ирина соврала, глядя прямо в глаза:

– Николай Петрович поделился. Говорит, пообещал, старый хрыч, а ничего не делает. Вы извините, я его слова передаю. А грязями мы ваш радикулит каждое лето будем подправлять.

– Ты и про это в курсе?

– Я врач, Демид Кондратьевич, прежде чем с человеком общаться, я смотрю его медицинскую книжку. Там с вашим радикулитом и познакомилась.

– Молодец! Но денег не дам, не положено.

Ирина встала со стула:

– Хорошо, отрицательный результат – тоже результат. Я так и доложу товарищу Хевролину.

– Доложи. Нельзя деньгами разбрасываться, а строить надо законно.

Ирина заранее договорилась с Хевролиным о встрече на десять часов, она предполагала, что Гордеюк вопрос не решит, просто через голову обращаться Алексей не советовал. Николай Петрович уже был в курсе ее безуспешного визита к начфину и улыбался:

– Говоришь, ваннами искушала нашего ревматика? Ирина Николаевна, это хорошо, что ты к нему сходил, по деньгам мы решим на исполкоме. Я вчера посмотрел твою стройку, сам, тебя не стал отрывать от дел. Замечательную штуку ты придумала. Но сперва окна и двери вставь, хоть вчерне, потому что штукатурить со сквозняком нельзя. Иван Сергеич хвалил тебя, говорил, за свой счет сделает оконные и дверные блоки. А сегодня позвонил: все готово, завтра своими машинами привезет. Сторожа надо поставить на стройку, чтобы, не дай Бог, не тащили материалы. Еще вопросы?

– Николай Петрович, я у Гордеюка вашим именем спекульнула, вы меня извините, надо было надавить, и не выдавайте, если он спросит.

– Договорились. Ирина Николаевна, а ведь Демид сам позвонил и сказал, что по твоей просьбе надо решение исполкома, он сам подготовит. Охмурила ты его своей настойчивостью. Все, до свидания.

Про ванны и грязевое лечение спонтанно у нее получилось, может потому, что видела в карточке Гордеюка хронический радикулит, а еще помнила рассказ деда Александра про лечебные свойства озера. В последнее время так захлестнули дела, что напрочь забыла о грязях и водах. И вот вспомнилось, и теперь с ума не шло.

Установить ванны можно на месте стационара, пристрой сделан позже и неплохо сохранился. Потребуется хранилище, специальные насосы. А ванны? Это же специальное оборудование, и где их можно взять? А как грязь добывать на озере и в чем возить? Был момент, когда затея эта увиделась ею как неразумная и бестолковая, но настырный характер не давал покоя. Утром через справочное попросила соединить ее с хозяйственной частью санатория «Семискуль». Ответил мужчина, назвал инженером. Ирина спросила, где и как можно приобрести грязевые ванны.

– А они вам зачем, в участковой-то больничке. Конкуренцию нам решили составить?

– Странный вопрос: конечно, людей лечить. Не думаю, что с пятью ваннами мы вам станем мешать.

– Да нет, я пошутил. Могу связать вас с заводом, хотя, подождите, где-то в районе пытались открыть грязевую лечебницу, но потом отказались. Ванны у них были, это точно. Минутку, я уточню, какой это район... Записывайте: Сладчанский.

Ирина улыбнулась:

– Это рядом с нами, я запомню. Скажите, а насосы для закачки грязи из хранилища нужны специальные?

– Обычные грязевые, они у нас есть в избытке, приезжайте, парочку продадим.

В обед пришли машины с дверными и оконными блоками, сам Иван Сергеевич сопровождал. Поздоровался за ручку, спросил, куда разгружать, махнул мужикам:

– В здание заносите. Окна осторожнее, стекла не побейте.

Ирина всплеснула руками:

– Иван Сергеевич, вы и стекла поставили?

– Само собой, а без стекол какие окна? Потому сам и ехал передом, чтобы тихонько, не поколотить. Ребята все сделали на совесть, сам проверял.

Услышав про насосы, засмеялся:

– Ирина Николаевна, у нас в животноводстве такие насосы называются фекальными, мы, правда, до такой технологии еще не доросли, но насосы – не проблема, уверяю тебя.

– Тогда проблема будет с ваннами. – И рассказала Ивану Сергеевичу про дефицитные ванны в Сладчанском районе. Директор кивнул:

– В Сладчанке начальник милиции мой хороший товарищ. Я попрошу его узнать, что и как, а потом будем решать. Только, Ирина, ты не увлекайся всем и сразу. Есть один объект – доведи до ума, а потом и следующий.

– Согласна, Иван Сергеевич, только хочется все и сразу.

Еремеев кивнул, мол, понимаю, но по-другому не получится.

От совхозной котельной прорыли канаву и заложили утепленные трубы, а между ними водопроводную трубу, чтобы зимой горячая вода была в больнице. Батареи отопления и трубы разводки привезли из районного коммунального хозяйства, его специалисты по заданию Хевролина и смонтировали все оборудование. Световую проводку и кабели к медицинскому оборудованию он поручил электрикам Сельэнерго. Зима прошла для Ирины в заботах о шифере на кровлю, в поисках приличной краски разных цветов – для рам, полов и потолков, дверей и панелей.

Впервые за все время строительства приехал Бытов, вошел в кабинет, снял шапку и сел за стол:

– Хоть вы меня и игнорируете, Ирина Николаевна, но облздрав с меня спрашивает за дела в районе. На днях Семовских выговорил мне за вашу стройку, приказал немедленно составить спецификацию, какое оборудование нужно, какая мебель, инвентарь и прочее. Даю вам три дня, привезете мне лично, будем просить. А вообще некрасиво, строите больницу, тайно, даже Семовских втянули.

Александр Иванович скучал без своей случайной квартирантки, уж больно охоч был старик до разговоров, особенно если слушали его со вниманием и верой, что все сказанное есть правда. Вечером после ужина он уличил момент, когда бабка понесла в сенки чугунок с оставшейся вареной картошкой, прикрытый алюминиевой тарелкой с ломтиками соленого сала, и спросил Ирину:

– Ты, Аринушка, седнешним вечером никуда не торопишься?

– Никуда, Александр Иванович.

– Хочу тебе кой чего рассказать, ну, прямо душа просит.

– Рассказывайте, дед Лександро. Я люблю слушать ваши истории.

Через полчаса он зашел в ее комнатку:

– Арина, тебе единой поведаю сию историю, знаю, что не выдашь, а мне терпеть мочи нет, так и давит на сердце. Вот, слушай. Дело после этой войны было, когда мы возвратились с победой, от деревни одни охрапотки остались. Быки пооблезли, бабы расхристанные до основания. Еще чуть впереди: вышел я на станции, гляжу – наш деревенский мужик на полуторке эмтээсовской, я к нему в кузов, и едем. Подъехали к озеру, ему надо водички долить в радиатор, он пошел, а я стою на дороге, жду. С нашей стороны подходит подвода, на вожжах сидит Проня Веселенький, раньше так его звали, на гулянках шибко хорошо плясал и частушки пел. Едет в город по колхозной надобности. Только от Веселенького одно название осталось, угрюмый, на шее чирьяк с большую луковицу, сам весь паршивый и ажно припахиват. Спрашиваю: «Как живете, Проня, скажи?» Он отвечает: «Не только скажу, а и покажу». И достает из-под потника мешечек, развернул, а там лепешки, я даже испугался, они черные, земля землей. «Вот это и едим, да водичкой припиваем». Я отшатнулся, а он хохотнул: «Не бойсь, у твоих лепешки чуть белей будут». Смысл этот я только дома понял: сестрица моя избачем служит, а отец инвалидом с фронта пришел, им паек какой-никакой дают, оттого наши лепешки белей. Ну, не шибко, конечно.

Попал я как раз к перевыборному собранью, председателя сняли и увезли, он посевную совсем завалил, июнь на дворе, а наши бабы из лукошка пшеницу досевают. И ставит районный

начальник перед народишком Филю Жабу, такое было ему от людей прозвание. Было у Фили пятеро ребятишек, мало кто их видел, потому что голышом можно только в Петровки бегать, а в избе ни одеть, ни обусть. Все знали, что Филия и при единоличной жизни не пахал и не сеял, а при советской власти попал в актив, как беднейший, ежели ребятишки не в счет. Давали ему какую-то пособию, и на войну не взяли, потому как ребят много. А тут ставят председателем. Ты думаешь, кто-то возник, голос подал? Ухмыляются, кто еще способен, а бабы даже вида никакого не подали: Филька – пусть будет Филька.

И вот тут обозначилось, сколько в человеке дерьма может быть. Начальник вручил председателю пинжак, штаны и штиблеты, он в тот же день обзавелся кнутом и всегда его при себе носил. На сенокос приезжал верхом на единственной колхозной кобыле, с вершны не слазил, орал: «Плохо робите, НКВД вызову, ночью метать будете!». Уже тогда мог вытянуть кнутом какую-нибудь бессловесную бабенку. Хлебишко чуток вырос, надо убирать. А жрать совсем нечего. Коневник желубили, коноплю перетирали в ступе и пекли такое безобразие, что и вспоминать страшно. Пшеничка вот она, рядом, а взять не могли, уполномоченные понаехали из района, сам Филия Жаба лютует, обыскивают баб, аж рейтузы, у кого есть, заставляют снимать. Горсти не пронесешь! Сами-то терпели, на ребятишек больно было глядеть, хоть святых с них рисуй, насквозь светятся. И удумали бабы ночами ходить на поля и колоски собирать. Принесет в подоле, обшелушит, пригоршня – а все хлеб. Филия это пронюхал, а скорей всего – сосукал кто-то, подлецы всегда были и будут. А ходили женщины через переюму меж двух озер, совсем рядом с деревней. Вот он их на переюме и встретил. Кнутом гнал до тех пор, пока в воду не кинулись, даром что уже ледок у берега. Гонит их водой вдоль тверди, сам верхом, бабы режут так, что в деревне слышно. А я женихался, припозднился, слышу дурные крики, хоть и не понял, а зачуял неладное. Бегом на переюму, а он выгнал баб на берег и хлещет, как скотину. Да нет, добрый хозяин и скотину не обидит, а тут баб детных, у которых мужики сгнули на войне, кнутом по чем ни попадя. Подбежал я, кнут вырвал, сдернул Филю с лошади, сам не знаю, что со мной, головушку ему завернул, чтоб не орал, и в воду. Подержал минут пяток, потом в камыши затащил, под лабзу затолкал. Вылез на берег, коня стеганул, чтоб в деревню шел, одежонку свою армейскую выжал и огородами домой. Затопил баню, высушил обмундированье, сам погрелся, пробрался на полати, мать даже не слышала.

Утром по деревне шум: председатель пропал, лошадь на конный двор пришла обузданная, а ни Фили, ни кнута. Кнутом я покойника обмотал, а кнутовище в лабзу воткнул, чтобы волной его не выкачало. Собрали народ у правления, милиция приехала, я смотрю на баб, кто из них был ночью на переюме, да разве поймешь? Все напуганы, но никто даже добрым словом не помянул. Покрутились следователи – никаких следов, как сквозь землю провалился, ни живого, ни мертвого.

А к тому времени много мужиков демобилизовалось, и вернулся Фрол Романович, до войны бригадиром был, с народом по-человечески. Стали его просить. Согласился. Года три мы выгребались из нищеты, только потом стали досыта хлеб вкушать. А убивство то с ума не идет, не скажу, что совесть мучила, но новой раз сам себе удивлялся: на войне тоже убивать доводилось, но там враг, а тут свой деревенской, только чем он лучше того фашиста с фронта? Такая же сволочь, даже хуже.

Вот и хочу тебя спросить, дочка, судить мне себя или простить? Дело к смерти, а там ведь спросится. И чего отвечать?

– Дети его, председателя, с ними что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.